

Дарья Семёнова,

лицей № 2, 8 класс
.....

Шорох Вселенной

... В большом уютном доме, притаившемся между глубоким Чёрным морем и великолепными Кавказскими горами, цепляющими своими вершинами пушистые кучи облаков, рады абсолютно всем. Туда едут те, кто ищет покоя и хочет хотя бы на минуту увидеть рай таким, какой он есть. Там самая добрая в мире хозяйка примет любого заплутавшего, утомлённого жизненным путём странника, успокоит и окутает туманом безмятежности, позволяя наслаждаться бесценными в наше время часами тишины и уединения. Она отгородит от всего мира Кавказскими горами, укроет в тени своих благоухающих виноградников и наполнит дни умиротворением. И, следуя главным традициям кавказского гостеприимства, она никогда не откажет в приюте и не спросит, надолго ли вы пришли, но будет обращаться с вами так, будто вы — самый почитаемый в мире гость. Имя этой хозяйки — Абхазия, и вам несказанно повезло оказаться в её доме. Жители называют его Апсны, что переводится как «страна души», и здесь даже деревья, покачивая своими раскидистыми кронами, шепчут вам: «Добро пожаловать на родину души...»

1. Подружки

Я сижу на любимом кресле в кафе и жду, когда у девочек закончится смена. Подходит к концу последний день в гостинице «Зелёный двор», где я отдыхала самые счастливые две недели в своей жизни, которые будут греть мою душу всю промозглую осень и снежную зиму. Солнце уже опустилось за горизонт, подмигнув мне наполеonedок солнечным лучиком: мол, не забывай, это последний вечер, так что насладись им как следует. Вот и сейчас я сижу на террасе, жадно и глубоко вдыхая такой сладкий сосново-морской воздух, и... наслаждаюсь. Впитываю все ощущения, вплоть до лёгкого дуновения ветра на своей коже, чтобы закупорить эти ещё тёплые воспоминания в воображаемую бутылку и бережно хранить на полке

вместе с другими. А потом, холодным зимним вечером, сдуть пыль с этого воспоминания и хотя бы на миг вновь почувствовать запах пицундского воздуха. В носу начинает щипать, и я изо всех сил зажмуриваю глаза, стараясь прогнать непрошенные слёзы.

— О чём задумалась? — на соседний стул падает Алина, на ходу смахивая со лба выбившуюся из косы огненно-рыжую прядь.

— Да так... Думаю о том, как тут хорошо, — уклончиво отвечаю я, стараясь не выдать грусти в своём голосе.

Алина — наимилейшее шестнадцатилетнее создание кабардинского происхождения, а также обладательница одной из достопримечательностей гостиницы — огненно-рыжей косы, которая в распущенном виде достаёт до её бледных угловатых коленок.

Внезапно лампа на потолке пару раз мигает и затухает, как и свет, до этого потоком лившийся из кухни. Всё погружается в почти непроглядную темноту, и только благодаря лунному свету я могу различить во мраке недовольное личико подружки. — Да что ты будешь делать! — с самым красивым в мире акцентом (который я, ей-богу, просто обожаю) ругается Алина. — Уже третий день подряд отключают! Амина-а-а, тащи свечку!

— Сейча-а-ас! — сквозь звон посуды слышится голос, а через минуту из кухни выплывает огонёк и приземляется на столе, и в его свете я вижу двадцатитрёхлетнюю сестру Алины, которая на неё ничуть не похожа.

Если та славится своей рыжей косой, то Амина может похвастаться копной густых, мелко вьющихся тёмных волос.

Она садится на свободный стул, и мы просто начинаем разговаривать обо всём подряд, как делали всё время. Атмосфера такая, что мы даже поём несколько «песен у костра», правда, без гитары и с половиной оплывшей свечкой, но от этого ничуть не хуже.

2. Море

За наш стол усаживается Лариса, их мама. Я ещё нигде не встречала более мудрой и доброй женщины, которую за две недели я полюбила всем сердцем. Её волосы всегда прячутся под цветастым

платком, а на губах неизменно запечатлена лёгкая улыбка, даже когда она работает. Лариса заговорщицким шёпотом предлагает сходить на море. Я удивляюсь, ведь уже почти ночь, но она объясняет мне, что ночью намного красивее, а море всё равно тёплое. Я ещё никогда не купалась в море ночью и вдруг поняла, что не могу уехать отсюда, не сделав этого.

Когда я иду в номер, чтобы отпроситься у мамы и взять полотенце, до меня доносится радостный крик Алины:

— Ура-а-а, мы идём на мо-о-оре!

Лариса не обманула: и правда красиво. Вместе со светом на пляже отключились все фонари, и его освещала только луна, которая так ярко отражается в спокойной воде. Когда приходит время заходить в воду, я понимаю, что не взяла сменную одежду, поэтому приходится нырять прямо так — в футболке и шортах. Амина уже радостно плещется в воде, которая даже ночью кажется прозрачной, как слеза. Пока мы дурачимся, обливаем друг друга и хохочем, Лариса сидит возле берега и тихо посмеивается над нами. Алина распустила свои волосы и сейчас выглядит как русалка, поднимаясь из глубин только для того, чтобы с нами поиграть. Волосы поблещивают в лунном свете и мягко покачиваются в воде, волнами расходясь вокруг неё. И без того бледная кожа кажется совсем белоснежной, а громкий смех, как звон колокольчика, разливается по всему пляжу.

Морская вода кажется мягкой даже на ощупь, и я, стоя в ней по пояс, могу видеть свои ноги — до того она прозрачная. Маленькие волны словно слизывают с меня все печали, потому что иначе я не могу объяснить, почему с каждой минутой становлюсь всё счастливее. Солёный ветер, смешиваясь с запахом соснового леса, пробирается через лёгкие, щекочет дуновением, и мне кажется, что я вдыхаю разом целый рай, притаившийся в этой маленькой удивительной стране. «Бывают дни, сотканые из одних запахов, словно весь мир можно втянуть носом, как воздух: вдохнуть и выдохнуть... А в другие дни можно услышать каждый гром и каждый шорох Вселенной. Иные дни хорошо пробовать на вкус, а иные — на ощупь. А бывают и такие, когда есть всё сразу», — в голове против воли всплывает фраза из любимого «Вина из одуванчиков», и я думаю о том, что сегодня как раз так всё и сразу. В этот момент я ощутила себя Дугласом Сполдингом, только что сделавшим открытие, что он живой.

3. Вселенная

Я оставляю подруг дурачиться в воде, выползаю на сушу и морской звездой укладываюсь на берегу, устало откидываясь на гальку. Поднимаю глаза на небо, и как будто вся Вселенная тоже открывает глаза и смотрит на меня в ответ. Надо

мной — мерцающая бесконечная паутина, соцветия звёзд, букеты созвездий, а я, кажется, не могу дышать, до того это... великолепно. Этого не передать ни словами, ни фотографиями, можно только увидеть и навсегда влюбиться в эту жизнь, в этот мир и в эти звёзды. Внезапно меня накрывает волной такого чистого и ничем не разбавленного счастья, которое ощущается каждой клеточкой тела. И я лежу, такая маленькая и счастливая в этой огромной Вселенной, где я лишь пылинка, ничто, но в то же время часть всех хитросплетений звёзд, центральный кусочек сложного пазла.

Звёзды отпечатываются на сетчатке, путаются в моих волосах, искрятся, они везде. Подо мной — рай, надо мной — бесконечность, а на ладони — целый мир. Меня топит в самом удивительном чувстве, когда кажется, что нет границ, что я — часть всего и всё — часть меня. Невозможно ни оторвать взгляд, ни вздохнуть, а перед глазами и в мыслях только звёзды, звёзды, звёзды...

Вдруг всё заканчивается, и я вновь ощущаю себя на прохладной гальке, море тихо плещется у ног, а дыхание — сбившееся и прерывистое. И всё прошло, как будто и не было этого восхитительного чувства, когда можно выпитать в себя весь мир. Небо хитро подмигивает мне, а вода, кажется, шепчет: «Оно не исчезло, оно теперь навсегда с тобой». Из уголка глаза всё-таки выкатывается прозрачная солёная бусинка, как будто всё, что переполняло меня, немного выплеснулось наружу.

Я, отчего-то обессиленная, лежу и вслушиваюсь в голоса со стороны моря, понемногу засыпая под столь милый мне кабардинский говор, и обещаю себе когда-нибудь обязательно про это написать.

Мария Коренько

школа №6, 11 класс

Пока я помню

Помню плохо. Мне только исполнилось пять лет, осень вовсю вступила в свои законные права, но ещё ощущались отголоски лета. Папа забрал меня из садика очень рано, а дома былолюдно. Некоторых людей я не знала, остальные — мои многочисленные родственники: дяди и тётки, бабушки и дедушки, двоюродные братья и сёстры. Зеркало в прихожей занавешено тканью. Стало страшно.

Мама с порога кинулась меня обнимать. По её щекам текли слёзы, одной рукой она прижала меня к себе, а другой гладила мои волосы. Мне стало душно, но пытаться вырваться было бесполезно — я крепко застряла в этом «плёну». Но моя тётя пришла на помощь: она подошла, взяла маму за плечи, отвела её и что-то ей сказала. Затем

помогла мне снять верхнюю одежду и, взяв меня за ручку, повела в комнату.

В углу я сразу заметила большую прямоугольную крышку красного цвета, на бархатной поверхности которой был изображён белый крест. А на столе в середине комнаты стоял ящик, в нём «спала» бабушка. «Что это?» — спросила я у тёти. «Кровать. У бабушки же была старая кровать, неудобная. Теперь ей будет хорошо, — она подвела меня ближе. — Ну же, попрощайся с бабушкой». Но зачем я должна это делать? Разве бабуся не проснётся скоро, не обрадуется, что так много гостей? Мы будем играть, она споет мне «Катюшу» и обязательно прочитает сказку. «Мне не нравится эта кровать», — ответила я и ушла.

С годами я постепенно забывала о том, как проводила время с бабушкой. Из памяти исчезал её голос, стирались очертания родного лица, а старая блузка, всё ещё висевшая в шкафу, потеряла её аромат. Жизнь продолжалась. Я пошла в школу, у меня родился брат, папа сменил работу, а мама перестала походить на бледную тень, но у неё появились морщины. Время лечит? Не верьте в эту чушь. Оно лишь закапывает боль под массой проблем и забот.

Год назад мама начала перебирать старые фотоальбомы. Я сидела рядом, слушая бесконечные рассказы о прошлом. Одна из фотографий вызвала на лице мамы грустную улыбку. Фото, скорее всего, было сделано в середине прошлого века, не раньше. Чуть порванное на уголке, оно будто таило в себе особую магию. На нём девушка в лёгком платье стоит рядом с парнем. Он прижимает её к себе: одна рука на её талии, а другая держит руку девушки у сердца. Её смущённая улыбка и взгляд в пол — и его уверенность... Они влюблены? Люди сидят на крыльце дома и смотрят на эту пару, а им всё равно. Зачем целый мир, если они есть друг у друга?

Оказалось, что это бабушка и её первый муж. Невысокая, худая, выразительные скулы, длинные волосы — такая молодая и безумно красивая! Мне не раз говорили, что я на неё похожа. Стоило маме отойти на кухню, как фото оказалось в моём кармане.

Сердце бешено колотилось, а руки тряслись. Я смотрела на чёрно-белую картинку, старалась запомнить каждый миллиметр её лица. Искала сходства — неправда, мы не похожи. Если только ростом и худобой.

Я сижу в комнате, в её комнате, которая перешла ко мне одиннадцать лет назад. Слезы бегут градом. Сяду на диван, посмотрю на фото, тут же иду к окну, чтобы взглядом провожать машины. Передо мной весь город как на ладони. Внизу жизнь, а наверху небо и звёзды. Когда-то мне сказали, что там лучший мир, что там моя бабушка.

Горят огни, ночь захватила небосвод, комнату от тишины отделяет одно лишь дыхание. Иногда

всплипы. Люди неизбежно уходят от нас, оставляя на память лишь образ на фото. Снимок стареет, ветшает, потихоньку умирает, но заставляет нас помнить, порой разгребая завалы и пробуждая старую боль. Когда-то рана затянется, но и не надо этого. Пока человек чувствует хоть что-то, он жив.

Пока помню — я жива.

Владислава Мицукова

школа №10, 8 класс

В ожидании «тройки»

— А чего мы, бабушка, ждём?

— «Тройку» ждём.

«Тройку» ждём... Из глубины ночного неба падают крупные декабрьские хлопья пушистого снега. На стене каменного дома выплывает светящийся пёс-музыкант со своей верной переливающейся гармошкой. Он выбрасывает одну ногу в красном сапоге, а вторая исчезает. Но сейчас же появляется опять. Поначалу — забавное зрелище, но если смотреть на пса долго — догадаешься: он ненастоящий. Из лампочек. И сразу становится скучно и холодно.

— Бабушка, нельзя выбегать на дорогу!

— Так не вижу ведь ничего!

— А мы «тройку» ждём?

— «Тройку», «тройку»...

Тройка... Летит, звенит, побрякивает... Тройка! Бубенчик на шее коня Города. Тройка — это значит Радость! А радость обычно приходит поздно. Когда людей на остановке становится мало-мало. Когда бабушка произносит: «И где она едет? Девчонка уже остыла вся!» Но «тройка» всё же приходит. Маленький обшарпанный пузатый автобусик с запотевшими стёклами и жёлтыми поручнями. Но главное то, что в «тройке» сидит мама! Я забегаю в автобус, петляю между усталыми, повисшими на поручнях мужчинами и женщинами... А если не найду? А если бабушка ошиблась? Где же?

— Я здесь, — на кожаном сиденье прямо возле окошка сидит мама.

— Мама! — в пропахшем морозом воротнике и шерстяной шапке.

— Мама! — с сумками в руках, с волшебными сумками, откуда иногда появляются игрушки и барбарисовые леденцы.

Мама с ласковыми щеками и усталыми глазами... Моя мама...

И вот становятся добрыми все улицы... От сверкающего огоньками проспекта Мира до нашей тусклой улицы Железнодорожников...

Всё хорошо. «Тройка» едет в гараж, а скоро Новый год...